

ПИСЬМО къ ВЕЛЬМОЖАМЪ ПРАВИТЕЛЯМЪ ГОСУДАРСТВА,

ооч. сенатора кн. М. М. Щербатова.

Читатели „Русской Старины“ уже знакомы съ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ сочиненій исторіографа Екатерины II-й, сенатора кн. Михаила Михайловича Щербатова (р. 1733 ум. 1791 г.), а именно съ записками его: „О поврежденіи правовъ въ Россіи“, напечатанными во II-мъ и III-мъ томахъ нашего изданія*). Нынѣ мы представляемъ другое произведеніе этого желчнаго, безпощаднаго къ своимъ современникамъ писателя: „Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства“. Письмо не вдается въ личности, не оскорбляетъ никого изложеніемъ хотя и правдивыхъ, но позорныхъ фактовъ изъ жизни тѣхъ или другихъ дѣятелей; тѣмъ не менѣе, хотя въ чертахъ общихъ—письмо представляетъ очень сильную сатиру на нравы высшего сословія эпохи Екатерины II. Документъ интересенъ въ ряду прочихъ сочиненій кн. Щербатова—для обрисовки его политической дѣятельности, а еще болѣе для исторіи правовъ его времени. Не нужно однако забывать, что суровый сенаторъ—какъ ни рѣзокъ въ характеристикѣ современныхъ ему „вельможъ, правителей государства“, прежде всего человекъ своего времени, не чуждъ его недостатковъ и предубѣжденій; довольно, напримѣръ, отмѣтить въ томъ же „письмѣ“ мнѣніе автора въ пользу откупа, существованіе котораго онъ хотя и признаетъ зломъ, но такимъ, „которое—по обстоятельствамъ государства—нужно“ и т. п.

*) «Русская Старина» изд. 1870 г., т. II-й, стр. 13—56; 99—116 (тамъ же, на стр. 13—15 помѣщено краткое извѣстіе о жизни кн. Щербатова); изд. 1871 г. т. III, стр. 673—688. Въ I-мъ томѣ «Русск. Стар.» (изд. перв., стр. 28—30; изд. второе стр. 415—417) помѣщены написанные кн. Щербатовымъ: «Планъ исторіи царствованія Екатерины II и опытъ предисловія къ таковой исторіи».

Ред.

1

Печатаемъ настоящій документъ съ копій (въ листъ, 15 полулистовъ), современной князю Щербатову и исправленной его собственной рукой. Сообщеніемъ его мы обязаны Василию Ѳедоровичу Ратчу, покойному собирателю матеріаловъ къ новѣйшей отечественной исторіи.

Ред.

Милостивые государи! Достигши до старости моихъ дней и вида приближающуюся мою смерть, сила ваша, ни мщеніе не страшны мнѣ становятся. Ибо что вы можете у меня отнять? Остатокъ малаго числа дней, изъ коихъ каждый означенъ новыми болѣзненными припадками. Да хотя бы и сего не было, изъ юности своей привыкъ разсуждать о состояніи смертныхъ тварей и о неизбѣжности отъ всякихъ нещастій, я и тогда уже душу мою укрѣпилъ противу ударовъ щастія. Я видѣлъ падшихъ въ нещастіе вельможъ, снисловившихъ свою гордость, слабость свою и подлость являть. Видѣлъ другихъ вельможъ, утѣсняющихъ себѣ нижнихъ, лишать ихъ имѣній и жизни; но зрилъ въ ихъ дѣяніяхъ не болѣе силы и могущества, каковыя самый разбойникъ можетъ имѣть, который грабитъ и убиваетъ, или пресмыкающійся червь, поядающій плоды земные, надежду тщательнаго земледѣльца, или какого насѣкомаго, умерщвляющаго своимъ ядомъ челоуѣка. Я видѣлъ царей и вельможъ, умирающихъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ своея младости, коихъ, вмѣстѣ съ жизнію, исчезала вся надежда, пышность и великолѣпіе; и они въ пепель обратились, и память ихъ не по тому судилась, какое они мѣсто на грязномъ маломъ кому нашей стихіи, что мы землю называемъ, занимали, но потому каковы они были. Я видѣлъ надъ собою многія нещастія, былъ обманутъ щастіемъ, претерпѣлъ въ имѣніяхъ своихъ ущербъ; лишился моихъ ближнихъ, которыхъ не перестаю оплакивать. Вижу нынѣ вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостью и жестокостію вашею лишеныя души ихъ бодрости, и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятія смѣлости страждущему жалобы приносить.

Се первое изъ сихъ паче укрѣпило меня противу суровостей рока или, лучше сказать, вашихъ самопроизвольствъ, а второе побудило меня мысли мои вамъ начертать.

Не злобою я на васъ дышу, не страстію какою побужденъ;

истина и человеколюбіе суть путеводители мои. А посему не могу я васъ считать извергами природы, рожденными отъ какихъ свирѣпѣйшихъ звѣрей, питанныхъ млекоу бабры или медвѣдцы, и воспитанныхъ среди льдистыхъ бугровъ Кавкаса. Вы человеки, рожденные отъ подобныхъ намъ, воспитанные между нами съ млекоу матерей своихъ, питались ученіемъ нашего святаго закона; а посему не природа есть притчиною вашихъ пороковъ, но незнаніе самаго объясненія вашей должности, забвеніе самихъ себя и страсти ваши, иже содѣлываютъ изъ васъ не людей, но нѣкихъ чудовищъ, созданныхъ на нещастіе и на гибель вашихъ согражданъ.

Первое объясненіе, долженствующее впечатлѣнно быть въ сердцахъ вашихъ, что есть вельможа? Се есть не иной кто, какъ человекъ по роду-ли своему, по достоинству-ли, или по случаю, возвышенный превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей; приближенъ къ престолу царскому и обогащенный щедродаровитостію монарха отъ сокровищъ народныхъ.

Самыя сіи объясненія не показываютъ ли каждому вельможѣ и должности его. Возвышенъ онъ превыше другихъ равныхъ ему человѣческихъ тварей. Но сіе нѣсть механическое возвышеніе, воимъ можно и навозъ на верхъ высокой башни положить, но возвышеніе метафизическое, знаменующее, что кто возвышенъ предъ другимъ саномъ, тотъ долженъ возвыситься и добродѣтелями. Но гордость, самохотѣніе, презрѣніе законовъ, сластолюбіе, праздность, нераченіе и невѣжество возвышаютъ-ли человека? Поелику онъ есть человекъ предъ другими, а впадая въ сіи погрѣшности, не становитесь-ли изъ знатнѣйшей Богомъ созданныхъ тварей, т. е. человекъ, подлѣйшими изъ всѣхъ животныхъ? Не чинитесь-ли вы сей самой кучею навозною, на верхъ великолѣпной башни вознесенною? Не чинитесь-ли вы изъ человекъ, и человекъ изящныхъ, подобны жукамъ, подобно какъ они любящихъ жить въ навозѣ, такъ вы въ порокахъ?

Приближены вы къ престолу царскому. Но для чего? Не для того-ли, чтобы вѣрно ему служить и чтобы его милосердія чрезъ васъ къ низайшей части подданныхъ отражались. А могутъ-ли они имѣть такое отраженіе, когда сему отраженію гордость, лѣность, своехотѣніе и прочее сопротивляется. Вы въ

престолу царскому приближены съ тѣмъ, чтобы учинить любима вашего государя, но вы его дѣлаете ненавидима народу.

Вы обогащены щедродаровитостію монарха отъ сокровищъ народныхъ; то чѣмъ же вы можете ему и народу воздать? Не совершенной-ли то вѣрностью къ тому, кто васъ обогащаетъ, усердіемъ и нелицемѣрнымъ отверовеніемъ своихъ мыслей, хотя бы они противны ему были, являя симъ, что въ подвигахъ вашихъ къ его службѣ вы не сами себя въ предметъ имѣете, не собственный вашъ прибытокъ, но славу монарха, которому служите. Чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровищи служить къ обогащенію вашему? Не тѣмъ-ли, что явите ему снисхожденія, окажите попеченіе ваше о его блаженствѣ и явите, что вы достойны благодѣтелями народа именоваться?

Обыкновенно вельможи суть и правители государства. Воззрѣмъ же, что сіе именованіе разумѣетъ и какія замыкаетъ въ себѣ должности?

Самое именованіе правитель являетъ, что онъ долженъ быть тотъ, кто направляетъ теченіе вещей къ лучшему благоустройству. Ибо незачѣмъ бы имѣть правителей, если бы они токмо для развращенія и поврежденія употреблялись. Монархъ есть одинъ; все видѣть и все обнять въ государствѣ, а паче въ странномъ, не можетъ. Онъ опредѣляетъ разныхъ правителей, коимъ удѣляетъ часть своей власти, дабы способомъ и посредствомъ оныхъ повсюдова законы были исполняемы; дабы знаки его милостей повсюду разливались; дабы каждый безопасенъ былъ о своей жизни, чести и имѣніяхъ. Но власть сія препоручается не на самопроизвольность каждаго, но есть предписанія законовъ, которыхъ частные правители должны токмо исполнители быть, и исполнители незлостные, ищущіе вины, преступленія и наказанія; но исполнители представляющіе лицо отца народа, т. е., милосердые и снисходительные, а къ тому справедливые и тщательные, нисходительные и всѣми способами тщющимися, не токмо силою законовъ, но и своимъ примѣромъ, ввести благонравіе въ народъ, утвердить его умоначертаніе, возвысить его душу, безъ чего никакая добродѣтель быть не можетъ, и не токмо законными дѣяніями своими, но и каждымъ малѣйшимъ своимъ поступкомъ должны показывать свое благосердіе и снисхожденіе.

Но какъ все сіе вами исполняемо?

Вы опредѣлены быть исполнители законовъ; но прилагаете ли вы прилежное ваше стараніе достигнуть до совершеннаго познанія оныхъ, вниенуть въ притчины сочиненія каждаго изъ нихъ? Оставляете вы сію важную науку вашимъ секретарямъ, которые или для собственныхъ своихъ польвъ васъ обманываютъ, или вы сами, не справаяся и чрезъ секретарей вашихъ о подлежащихъ законахъ, самопроизвольно судите, похищаете надъ властію монаршею; не правите, но въ разстройку приводите правительство; отнимаете у подданныхъ извѣстныя имъ правила, которымъ должны послѣдовать; въ презрѣніе приводите самыя законы, и жизнь, честь и имѣнія гражданъ во всегдашней опасности становятся.

Вы говорите, что се есть для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ. Но все, что скоро, еще хорошимъ назваться не можетъ. Природа сама намъ представляетъ примѣры: нужные тварямъ произрастеніи не на спѣхъ растутъ, но всему надлежитъ время и спѣлость, дабы совершенство свое получило. Какъ же вы думаете безумной вашею поспѣшностью какую пользу сдѣлать. Пусть совѣсть ваша чиста; пусть желаніе ваше есть скорѣе содѣлать судъ обиженному; пусть бы знали и законы, но возможно ли безъ мучительства требовать, чтобы каждый подданный подвергался къ единому вашему суду; чтобы иногда тѣлесные припадки, иногда оттого, что не выспитесь ночь, препровождая ее въ роскоши, иногда совсѣмъ посторонней вещью бывъ раздражены, сужденіи бы ваши зависѣли отъ вашего веселаго или огорченнаго расположенія. Но пусть, повторяю, вы бы и знаніе законовъ имѣли, есть ли такая на свѣтѣ память, которая бы могла упомнить содержаніе и точный разумъ всѣхъ законовъ, которые у насъ многія листовыя книги сочиняють, изъ коихъ бѣольшая часть писаны на неупотребительномъ языкѣ. Какъ же скорохватныя ваши рѣшенія, безъ справокъ и сличенія учиненныя, могутъ быть справедливы.

Видны въ сужденіяхъ вашихъ предубѣжденія къ лицамъ. Въ самой ли истинѣ или напрасно вы ихъ получили, не стыдитесь и не страшитесь на ономъ сужденіи свои основывать, а иногда и не судя отнимаете честь людей. Войдите сами въ себя, подумайте о слабостяхъ человѣческихъ; коль часто и яснѣйшія вещи

намъ темны кажутся, то можно ли кому благоразумному человѣку понадѣяться на единое свое сужденіе, и страстью или предубѣжденіемъ пораженный человѣкъ есть вполнину безумный, а вы въ семь-то вашемъ безуміи судите судьбу и честь людей. Законы для того составлены, что они лицепріятія не имѣютъ; пристрастія въ нихъ нѣтъ: да судится каждый по законамъ, да отступленіе человѣка отъ извѣстныхъ ему правилъ накажется, а не потому, что кто внушилъ управляющему вельможѣ о комъ худо или ему что показалось. Но вы на сіе говорите, что хитрость развратныхъ людей есть такая, что никакіе законы не могутъ предупредить ихъ коварства и злости и часто они, за недостаткомъ законовъ, безъ наказанія остаются. Сему оспорить не можно. Но не лучше ли если бы кто виновной и избѣжалъ наказанія, нежели когда, отъ вашего самохотѣнія, упрежденія или худаго воззрѣнія, безвинный кто претерпитъ и разрушится безопасность гражданская, защищаемая законами. Вы тщитесь наказать другихъ за проступокъ противу законовъ или за вредный подъ нихъ подборъ, нарушая сами оныя и считая ихъ достойными наказанію, сами уже ясно злѣйшими извергами, разрушителями законовъ и злодѣями, достойными жесточайшаго себѣ наказанія учиняетесь.

Въ самомъ исполненіи вами законовъ я вижу такія нелѣпости, которыя, конечно, въ слезы и содроганіе каждого добраго гражданина приводятъ. Лучшіе изъ васъ, затвердя, какъ сороки, слово милосердіе, не знаете что оно знаменуетъ, послабляете вящимъ преступленіямъ. Поймите, что милосердіе есть единое изъ приписаній приличныхъ божеству, равно какъ и правосудіе, то можетъ ли что въ божествѣ быть противурѣчительно. А потому милосердіе есть то, когда взирая на обстоятельства, на слабости человѣческія и пр., самое правосудіе смягчается, а не есть ослабленіе. Титъ, императоръ, нареченный благопріятный роду человѣческому, примѣръ милосердія въ земныхъ владыкахъ, обливался слезами при подписаніи смертной кому казни, но ее подписывалъ, когда необходимо то правосудіе требовало.

Другіе, напротиву того, думая строгостью одною все привести въ порядокъ, якобы удобно было какія кому дѣла исполнять, озлобя прежде всѣхъ съ кѣмъ онъ ихъ исполнять долженъ, не взирая ни на слабости, ни на обстоятельства, ни иногда на

невозможность, за удовольствіе считаютъ токмо наказанія налагать. Не знаютъ они сего правила, долженствующаго бы быть начертаннаго въ сердцахъ правителей: Слабости препятствуютъ милосердію и покоряются ему; беззаконія сопротивляются милосердію и вооружаются противу него. Слабости челоѣчествомъ извиняются, беззаконія изверствомъ самимъ извиниться не могутъ. Се есть правила, иже составляютъ самыя основанія законовъ. Симъ бы вы должны послѣдовать, и если бы нашли самыя законы противорѣчущіе вашимъ добрымъ намѣреніямъ, могли бы принести предъ престолъ монаршій, во власти законодательной, ваши представленія о поправленіи самыхъ законовъ, а не самимъ вамъ чинить похищенія надъ вышнюю власть, коей вы есть хранители; прописавъ законы въ глупыхъ вашихъ писаніяхъ, давать прощеніе или усугублять самую строгость законовъ, являя первымъ себя несмышленными похитителями вышней власти, а вторымъ—злѣдами, приличнѣйшими быть палачами, нежели правителями государства.

Разныя встрѣчаются вамъ дѣла, а между тѣмъ и такія, которыя требуютъ особливаго разбору актовъ. Вы вступаете своими особами, не войдя ни въ обстоятельства, ни въ силу актовъ, иже составляютъ безопасность гражданскихъ имѣній; судите въ единую минуту, рѣшите безъ справокъ и гражданъ въ разореніе приводите. Не учиняетесь ли вы симъ совершенно сходны разбойникамъ, которые наглостію имѣніе чужое похищаютъ. Но вы въ оправданіе говорите, что вамъ точно извѣстно, что акты сіи несправедливы; что то имѣніе похищено или у государя, или у частныхъ людей. Не спорю; но вы ли есть законъ? Оставьте такія дѣла теченію закона, пусть несправедливость ихъ докажется. Если же и такъ вещи сокрыты, или такія обстоятельства приведены, что похититель останется владѣтелемъ похищеннаго, не лучше ли, чтобъ государь или нѣкоторые граждане отъ хитрости такой претерпѣли, нежели бы вашимъ скоростижнымъ сужденіемъ похитилась власть у государя, разрушились законы и погибла бы безопасность подданныхъ, а вы-бы разбойниками учинились?

Пристрастіи ваши суть наиболѣе очевидны въ опредѣленіи вами судей. Едва вы входите въ начальство, уже несмышленная

родня ваша важныя мѣста получаетъ; другіе — ваши искатели, хотя ихъ прежнее пребываніе въ судьяхъ противу ихъ свидѣтельствуеть, паки въ мѣста опредѣляются; въ единыхъ мѣстахъ тогда какъ отрѣшаете однихъ, другихъ, не меньше участвующихъ въ злоупотребленіи законовъ, тогда же повышеніе получаютъ. Пусть вы себѣ въ оправданіе скажете о сродникахъ, что ваше надзираніе надъ ними научить ихъ должности и добрыми вы ихъ судьями содѣлаете; пусть скажете о прежде-бывшихъ у дѣль, что ваше строгое наблюденіе возвратитъ ихъ къ правосудію; пусть скажете о участвующихъ въ злоупотребленіяхъ, что обстоятельства не дозволили имъ онымъ сопротивляться, — оправданіи ваши тщетны. Если вы, по пристрастію родства, опредѣлили кого, то не можетъ ли быть то же пристрастіе и въ наблюденіи за нимъ? и какъ возможно вамъ, бывъ главными начальниками, входить во всѣ подробности нижнихъ чиновъ? кто на близняго вашего родственника или свойственника осмѣлится вамъ принести жалобы? и слѣдственно большая часть дѣлъ его сокрыты отъ васъ будутъ. Какъ вы надѣетесь привыкшаго въ распутству человѣка обратить къ порядку, когда и надъ собою толь мало власти имѣете, что не стыдитесь его опредѣлить? Какъ вы можете извинить обстоятельствами злоупотребленіе законовъ? Какъ вы можете ихъ въ доскональность знать, и какъ вы можете понадѣяться на человѣка, сказывающаго вамъ, что онъ для товарищества плутовалъ? А опредѣленіе такихъ, выводя васъ пристрастными на позорище и показуя, что вы не достоинства, но прихоти своей ищите, развратить не токмо сихъ, но и множество другихъ и вы, еслибы и хорошія имѣли намѣренія, коихъ, по крайней мѣрѣ, знаковъ не видно, безуспѣшны въ предпріятіяхъ останетесь; а народъ увидитъ въ васъ пристрастнаго себѣ злодѣя.

Не хочу я васъ обвинять въ здоимствѣ, ибо сіе обвиненіе является мнѣ мерзко, и не могу я подуматъ, чтобъ души ваши до того были уподены. Охотно желаю васъ хотя добрымъ намѣреніемъ оправдать, возлагая болѣе худые ваши поступки на невѣжество ваше, нежели на умышленные развращенія вашего сердца. Однако, если вы не здоимцы, то, по крайней мѣрѣ, вы толь малоумны, что тщитесь показывать себя такими предъ народомъ. Ибо что можетъ сказать народъ, видя ваше сласто-

любіе и роскоши, превосходящія ваши доходы? Что онъ скажетъ, видя ваше уваженіе ко всѣмъ богатымъ людямъ; видя похлѣбствы ваши ко зловреднымъ откупщикамъ? Колико вѣжды изъ васъ содѣлалъ имъ благодѣяній, вспомоествуя, явобы для своего прибытку, всѣхъ ихъ разореніямъ и притѣсненіямъ народа. Вы, иже во всемъ строгіе смотрители являетесь, пресѣкли ли вы несправедливую продажу соли, несправедливой ея вѣсъ, подмѣшанія самаго песку и прибавленія цѣны? Пресѣкли ли вы въ откупъ табакъ разныя вкрадшіяся злоупотребленія, яко недовѣсы, подмѣсь худаго и прочее? Нѣтъ, все сіе въ прежнемъ злоупотребленіи остается. Тщетно народъ жалуется, тщетно онъ вопіетъ. Вездѣ онъ притѣсненъ и нигдѣ отъ васъ защиты не обрѣтаетъ. Что сіе знаменуетъ? Вы говорите, что для пользы коронныхъ доходовъ вы принуждены вспомоствовать откупщикамъ? Да развѣ корона отдавала имъ откупъ на тѣхъ основаніяхъ, чтобы они разоряли народъ, повредили бы вѣсы и мѣры и испортили бы примѣсомъ вещей самыя нужныя вещи для жизни человѣческой? Естьли такія суть ваши мысли, то вы разрушаете связь народную съ государемъ и государствомъ и суть побудители возмущенія. Если же не такія, чего ради вы толь во всемъ имъ способствуете? Никто изъ гражданъ не долженъ быть притѣсненъ. Откупщики есть зло, но зло, по обстоятельствамъ государства, нужное. Не утѣсняйте ихъ, исполните съ ними точно тѣ условія, на которыхъ они обязались. Не утѣсняйте ихъ, но не давайте имъ и народъ утѣснять. И тѣмъ болѣе сіе заслуживаетъ вашего вниманія, что сіи люди изъ давныхъ лѣтъ привыкли, для своего корыстолюбія, отягощать и притѣснять народъ. Зачѣмъ же вы дѣлаетесь соучастниками такихъ притѣсненій? Зачѣмъ вы, потворствуя откупщикамъ, разрываете неразрывную цѣпь, связующую народъ съ государемъ? Зачѣмъ вы въ недѣйствительность, ради откупщиковъ, приводите законы? Убо либо здонство въ васъ дѣйствуетъ, либо вредомъ власти моваршей, по неразумію вашему, хотите симъ богатымъ людямъ угождать. Въ первомъ случаѣ вы злодѣи, а во второмъ — безумные.

Нерѣдко случалось мнѣ примѣтить въ тѣхъ изъ васъ, которые наиболѣе хвастаются оказывать дѣятельности: они во все входятъ; то, что должно исправлять полицейскому офицеру, что должно дѣлать нижнему судѣ, все на себя приѣмлютъ. Бѣгають какъ

безумные по городу; на все сами взираютъ; принимаютъ множество бумагъ; ворпятъ съ глупыми или съ плутами своими секретарями ихъ разсматривать и, въ малостяхъ упражняясь, отъ великаго время отнимаютъ, и народъ въ существительныхъ вещахъ своего блаженства страдаетъ. Сія похожи на тѣхъ лошадей, которыя на нашихъ фабрикахъ ходятъ въ колесѣ — хотя кажется ей что великое пространство пути прошла, но она все на одномъ мѣстѣ пребываетъ — а въ самомъ дѣлѣ показываетъ васъ быть мелочными людьми, удобными токмо къ нижнимъ чинамъ, а не въ большіе правители государства. Ибо что вы бѣганіемъ своимъ дѣлаете? Примѣтите самое малое число злоупотребленій, которое велите исправить. Они на малое время и то частно исправятся, дабы послѣ со вреднѣйшею силою умножиться.

Не та ваша должность. Она состоитъ въ наблюденіи, чтобы подначальствующіе ваши каждый исправлялъ свою должность. Не совѣмъ охулительно очей вашихъ наблюденіе; но не тотъ, кто мѣры и вѣсь неправые держать, не тотъ, кто поврежденные товары продаетъ, толико наказанія достоинъ, ибо онъ сіе дѣлаетъ для своей прибыли, для обогащенія своего торгомъ; но тотъ, кому повелѣно за симъ надзирать, который сугубое содѣлываетъ преступленіе; ибо безъ взятокъ такого бы упущенія не содѣлалъ и народъ бы не допустилъ быть обмануту. Но малоуміе ваше до того простирается, что вы и не знаете, кого какъ должно наказать. Достоинъ нѣкоего наказанія продавецъ за такое злоупотребленіе, но сугубаго наказанія достоинъ надзиратель. А симъ вы и упускаете. Бѣганье ваше становится тщетно; труды ваши пропадаютъ; злоупотребленіе, послѣ малой частной поправки, умножается, и вы достойно заслуживаете имя людей, незнающихъ, къ чему свой трудъ, къ чему какія наказанія употребить, и въ презрѣніе народу впадаете. Случалось мнѣ видѣть, когда по таковымъ обѣганіямъ, съ усталыми ногами, принудя долго себя нужнымъ ожидать, приходите запыхавшись домой, обираете у проселщиковъ разныя жалобы, вкладя подъ пазуху ихъ, уже думаете, что колико бумагъ, толико судебъ человѣческихъ въ рукахъ вашихъ держите. Бѣдныя, прижимаете рукою своею судьбы другихъ людей! подумайте прижать крѣпко свою судьбу, свою добрую славу, естли вы ее когда имѣли! Уходите съ важнымъ видомъ, оставя множество другихъ, отъ коихъ ничего не

выслушали, еще нѣсколько часовъ васъ дожидаться. Подумайте сами, не суть ли вы таковымъ поступкомъ достойны смѣха и поруганія. Возможно ли вамъ сдѣлать выписки и точное разсмотрѣніе на сто, или болѣе, просьбъ, которыя вамъ подадутся въ каждую недѣлю. Вы себя изнуряете; похищаете должность нижнихъ судей; требованіемъ отъ тѣхъ мѣстъ объясненій отнимаете у нихъ время исполнять теченія правосудія и, наконецъ, по незнанію вашему, подвергаетесь несправедливо еще рѣшить. Но вы говорите, что каждый притѣсненный долженъ имѣть къ вамъ прибѣжище и просящаго не отженете отъ себя. Похвально правило, но вы его не понимаете. Не тѣмъ неотвергается просящій, не тѣмъ обидимый защищается, чтобъ между многихъ бумагъ принять мало дѣльныхъ, лишитъ себя нужнаго времени на важныя рѣшенія, затруднить судебныя мѣста справками и запросами, и малоразумныя повелѣнія учинить. Неотвергни просящаго, но тѣмъ, чтобы, въ назначенный день и часъ тобою, онъ нашелъ тебя готоваго жалобы выслушать, а не долженъ бы нѣсколько часовъ былъ тебя ожидать; ибо какъ скоро ты такой день и часъ назначилъ, онъ не твой, а просителевъ,—и ты не имѣешь права имѣніемъ другихъ, въ огорченіе самымъ тѣмъ, ожиданія тебя распредѣлять. Принявъ ихъ просьбы, можешь ли ты всѣхъ удовлетворить? можешь ли безъ справокъ положить свои рѣшенія? можешь ли справки взять, не остановя теченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ? можешь ли предложеніями твоими не подать поводу къ узнанію твоихъ расположеній, а потому и не побудить судей, трепещущихъ предъ вами, судить сходственно съ вашими мыслями? А все сіе въ ущербъ правосудія.

Не лутче ли бы было вамъ отречься отъ принятія такихъ просьбъ, которыя къ судебнымъ мѣстамъ принадлежатъ. Пусть происходитъ на самыя тѣ судебныя мѣста жалоба. Посѣщайте, вмѣсто бѣганья вашего по площадямъ и по улицамъ, судебныя мѣста. Отрекийтесь таковыя просьбы на судебныя мѣста въ домѣ своемъ принимать, но лутче принимать жалобы въ самыхъ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ; тогда проситель, бывъ введенъ вами въ самое судебное мѣсто, судьи, словесно съ показаніемъ производства, объяснять обстоятельства дѣла и вамъ, безъ переписки, безъ затрудненія судебныхъ мѣстъ, останется наблюдать, ведя

особливую записку о жалобахъ, чтобы вездѣ въ порядкѣ и безволочитно дѣла производились. Вы будете покойны, просители васъ въ домѣ не будутъ отягчать; судебныя мѣста, страшая вашего присутствія, будутъ въ порядкѣ и безволочитно дѣла производить и не затруднятся многими переписками, а и самые просители получаютъ себѣ удовольствіе; противной же сему поступокъ не покажетъ ли ясно въ васъ, что вы ниже и спокойствія своего съискать не умѣете.

Грубой и властной вашъ обычай, а паче, когда несчастный народъ видитъ васъ подкрѣпленныхъ какими временщиками, до того доводитъ народъ, что онъ впадаетъ въ нѣкое онѣменіе, видя себя вами обиженъ, видя вами разрушенныя законы, видя преимущества отъ монарховъ данныя—вами отнятыя, претерпѣвая угнетеніе и разореніе, не смѣютъ даже жалобу на васъ производить. Что я говорю на васъ, но ниже не смѣютъ и вамъ справедливости своей изъяснить! Таковое ослабленіе народа, вами причиненное, не точно ли есть такое, о каковомъ Цицеронъ, при паденіи Римскія республики, говоритъ въ письмѣ своемъ къ Куріону: «*Sed, me hercule, ne cum veneris non habeas jam quod cures, ita sunt omnia debilitata jam prope et extincta*» *), но страшуся, что не можешь ты найти способовъ употребить твоихъ попеченій, ибо тоlikое есть здѣ ослабленіе разумовъ, и скажу почти истребленіе. А по семъ: «*Miseris temporibus ac perditis moribus*»—отъ несчастныхъ временъ и разврата нравовъ. Се есть обыкновенныя слѣдствія угнетенія; разумы придуть въ ослабленіе, сердца въ уныніе, и нравы развратятся, и люди, желающіе своего щастія, не могли получить оное прямыми и законными путями, обратятся къ подлости и обману.

Какая же вамъ польза отъ сего происходитъ?

Вы подвергнуты къ тысячи обманамъ, чинящихъ васъ подверженныхъ презрѣнію самыхъ тѣхъ, которые вамъ наиболѣе раболѣпствуютъ; законы приходятъ въ ослабленіе, ибо находятъ ихъ безсильныхъ безумные ваши поступки исправить; сердца и разумы уподобляются, нравы повреждаются и приключенное вами зло не мимоходящее, но долговременное становится;

*) Эта и слѣдующая цитата написаны рукою кн. М. М. Щербатова.

а все сіе или отъ вашего неразумія, или отъ желанія быть превыше законовъ. А самое сіе уже безуміе ваше и показываетъ; ибо естли вы не взираете на защищеніе законовъ, естли щастіе перемѣнится, естли васъ непостоянная фортуна будетъ угнетать, въ чемъ вы найдете себѣ защищеніе? Но какая вамъ и честь повелѣвать безсловеснымъ и порабощеннымъ народомъ? Вы челоуѣки, за честь себѣ щитаєте повелѣвать равными себѣ; но приведя ихъ въ скотское состояніе, становитесь не правители равныхъ себѣ, но дурные пастухи безсловесныхъ скотовъ!

Тягостно мнѣ, а иногда и смѣшно видѣть вашу надменность, мерзко мнѣ видѣть ваши прихожія наполненныя людьми, ожидающихъ вашего явленія. Укрѣпивъ себя противу досады, я иногда хочу видѣть сіе глупое и безчестное роду челоуѣческому позорище, гдѣ купно съ одной стороны подлость, а съ другой, то есть, съ вашей—глупая гордость является. Естли бы вы взяли трудъ размышлять, нельзя бы вамъ себѣ не представить, что непріятно бы вамъ было другаго ждаты, зачѣмъ же вы сіе непріятство на другихъ налагаете? Но войдемъ въ подробности о семъ вашемъ поступкѣ. Двоакіе люди къ вамъ приходятъ, единые для извѣяленія почтенія вамъ, то скажите, какого вы почтенія болѣе желаете, того ли, которое относится къ вашему сану и украшеніямъ, или того, которое относится къ вашей особѣ? Естли перваго, то выставте ваши знаки и патенты въ вашихъ прихожихъ и подпишите: господинъ сего дома есть тоуемо сіе, а впротчемъ онъ чючала. Естли вы хотите, чтобы оно къ особѣ вашей относилось, то можете ли вы получить его, проповѣдывая своимъ поступкомъ, что вы и жить не умѣете, ибо почтеніе почтеніемъ платится. Вторые приходятъ съ просьбами своими. Но и тѣ должны ли васъ ожидать? Вы возведены на высокую степень правленія, для того ли чтобы подобно павлинамъ, которые въ числѣ умныхъ птицъ не щитаются, распустья хвостъ свой собою красоваться?

Вы возведены для пользы народной, убо важная нужда челоуѣка есть нужда ваша. Зачѣмъ же униженнаго самою нуждою, еще долгимъ ожиданіемъ васъ—унижать? Зачѣмъ, естли онъ имѣетъ тогда другія нужды, ожиданіемъ васъ сдѣлать ему упустить нужное время? Естли несправедлива его просьба, зачѣмъ прежде

законовъ его наказывать? Естьли же справедлива, зачѣмъ хотѣтъ, чтобы онъ и справедливость униженіемъ получилъ?

Я знаю вашъ отвѣтъ; ибо часто случалось мнѣ съ таковыми о семъ говаривать. Вы говорите, что «не гордость ваша и не тщеславіе причина сему, но обязанность исполнять дѣла, которыя занимаютъ васъ и не позволяютъ вамъ тотчасъ вытти въ ожидающимъ васъ». Отвѣтъ вашъ во всей своей ясности безуміе ваше и неспособность отерывааетъ, ибо, понеже вы не умѣете распредѣлять время, какъ же можете благоразумно рѣшить дѣла?

Я самъ имѣлъ щастіе быть въ такихъ должностяхъ, что множество людей до меня нужду имѣли. Я самъ всегда обязанъ былъ многими дѣлами; но никогда никто меня пяти минутъ не ожидалъ и дѣла мои нимало упущены не были. Не въ похвалу ума моего я принужденнымъ нахожусь сіе сказать; ибо сіе мнѣ стоило малаго размышленія, но чювствованіе челоуѣка ожидающаго того, до кого ему дѣло есть. Вотъ что я тогда придумалъ и исполнялъ, не дѣлая ни себѣ помѣхи и не принуждая никого себя ждать. За первое себѣ поставилъ я правило, что естьли кто имѣетъ нетерпящую время нужду, тотъ во всякое время, хотя бы то было ночью, имѣлъ право даже велѣтъ меня разбудить; ибо и сонъ мой и успокоеніе не должны повреждать состояніе послѣдняго гражданина. По семъ назначилъ я дни для моего успокоенія и для исправленія дѣлъ въ моемъ кабинетѣ, въ которые просилъ всѣхъ, чтобы меня въ сіи дни, окромѣ крайней нужды, не беспокоили. Наконецъ и во дни, когда я принималъ всѣхъ, назначилъ часы, въ которые принимать, и каждой, зная тотъ часъ, приходилъ и меня уже не дожидался; естьли же кто пришелъ ранѣе *), безъ крайней нужды, тотъ уже долженъ былъ винить или свои часы или себя, естьли нѣсколько подождетъ. А симъ способомъ я имѣлъ все нужное время для своихъ дѣлъ, и просители нибогда меня не ожидали.

А посему оправданіе ваше есть тщетно и поступокъ вашъ ясно показываетъ малость вашей души. Хотя вы сколько ни силитесь скрывать малость вашу, она сама имѣтъ**) вамъ чювствительна. Сами вы себя дивитесь, какъ вы могли вельможами и правите-

*) Приписано на полѣ рукою кн. Щербатова.

**) Приписано на полѣ рукою кн. Щербатова.

Ред.

Ред.

лями государства учиниться, а потому, не имѣя ничего въ себѣ, но взаимствуя все отъ вашихъ чиновъ, вы оными и гордитесь.

Я окончу наконецъ сіе непріятное вамъ писаніе показаніемъ еще единыя вашей малости. Вы, по всему вышеписанному, оказываете себя врагами нижнихъ себя, оказываете же себя врагами и равныхъ вамъ. Насило кто изъ васъ бывасть въ правитель-ство возведенъ на мѣсто другаго, то первое ваше попеченіе состоитъ охулять всѣ поступки того.

Войдите въ себя и подумайте, не совершенную ли подлость души вашей сіе знаменуетъ.

Вы, бывъ не въ чинахъ, являли тому почтеніе, можетъ быть и льстили его слабостямъ; вошедъ на его мѣсто вдругъ стали его укорять, не сдѣлавъ еще ничего лутчего. Тщеславіе ваше уже льстится, унижа его возвыситъ себя. Но подумайте, не тѣмъ другихъ унижаютъ, что ихъ злословятъ; будьте предъ малымъ предшественникомъ своимъ велики, онъ безъ злословія вашего унижится, а вы возвышены будете. Безумное ваше хвастовство не будетъ васъ погонять какъ плетью, что нибудь явное (славное?) сдѣлать, чѣмъ бы злословія ваши оправданы быть могли; а потомъ часто и безъ разсужденія, что содѣлаете; а симъ хотя того превратить въ карлу, сами пигмеи становитесь!

Хотите ли вы быть великими и почтены? Старайтесь послѣдовать вѣщанію законовъ; ничего наспѣхъ и по произволению тоемо своему не дѣлайте; исправляйте отъ слабости или отъ обстоятельствъ людей падшихъ; наказуйте упрямыхъ преступниковъ; явите, что вы превыше чину вашего; отвергните гордость, явите ласку и снисхожденіе; любите правду и благонравіе и сами примѣромъ тому будьте и, наконецъ, старайтесь устроить безопасность и спокойствіе и выгоды народныя.

Безъ хвастовства слава васъ увѣнчаетъ и чины не будутъ вамъ украшеніемъ, но вы особливо своею ихъ будете украшать, и благословеніе имени вашего народомъ переживетъ вашъ вѣкъ и будетъ сопротивляться непостоянству щастія.

Сенаторъ, Кн. М. М. Щербатовъ.

(Около 1787 г.).